

Набор. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Набор. Владимир Владимирович Набоков

Он был стар, болен, никому на свете не нужен и в бедности дошел до той степени, когда человек уже не спрашивает себя, чем будет жить завтра, а только удивляется, чем жил вчера. Кроме болезни, у него не было на свете никаких личных привязанностей. Его старшая, незамужняя сестра, с которой он в двадцатых годах выехал из России, давно умерла: он отвык от нее, привыкнув к пустоте, имеющей ее форму; но нынче, в трамвае, возвращаясь с кладбища, где был на похоронах профессора Д., он с бесплодным огорчением размышлял о том, что могила ее запущена, краска на кресте потрескалась, а имя уже едва отличимо от липовой тени, скользкой по нему, стирающей его. На похоронах профессора Д. присутствовало с дюжину старых смиренных людей, постыдно связанных пошлым равенством смерти, стоявших, как в таких случаях бывает, и вместе и порознь, в каком-то сокрушенном ожидании, пока совершался прерываемый светским волнением ветвей бедный обряд; пекло невыносимое натошак солнце, а он был из приличия в пальто, скрывавшем кроткий срам костюма. И хотя профессора Д. он знал довольно близко, и хотя он старался прямо и твердо перед глазами держать на этом жарком, счастливом июльском ветру уже зыблющийся, и заворачивающийся, и рвущийся из рук добрый образ покойного, но мысль все соскальзывала в ту сторону памяти, где со своими неизменными привычками деловито воскресала сестра, такая же, как он сам, грузная, полная, в очках той же, как у него, силы на совершенно мужском, крупном и красном, словно налакированном носу, одетая в серый жакет, какой носят и по сей день русские общественные деятельницы: чудная, чудная душа-- на скорый взгляд, живущая умно, умело и бойко, но, как ни странно, с удивительными просветами грусти, известной ему одному, за которые собственно он и любил ее так.

В трамвае среди чужой берлинской тесноты до самого конца уцелел еще один из бывших на кладбище -- мало знакомый Василию Ивановичу старый присяжный поверенный (тоже никому, кроме как мне, не нужный), и Василий Иванович некоторое время занимался вопросом, заговорить ли с ним, если тасовка трамвайной толпы случайно сведет их вместе; тот, впрочем, не отрываясь смотрел в окно на вращение улиц с выражением иронии на сильно запущенном лице. Наконец (и этот момент я как раз и схватил, после чего уже ни на минуту не упустил из вида рекрута) Василий Иванович вышел, и так как был тяжел и неуклюж, то кондуктор помог ему слезть на продолговатый каменный остров: слезши, он с неторопливой благодарностью принял сверху собственную руку, которую за рукав еще держал кондуктор, медленно переставил ступни, повернулся и, выглядывая опасность, потянулся к асфальту с намерением перейти через улицу.

Перешел благополучно. Недавно, когда дрожащий иерей предложил приступить к пению вечной памяти, Василий Иванович так долго, с таким трудом опускался на колени, что все уже было кончено, когда, наконец, опустился, и тогда он уже не мог подняться, и старик Тихоцкий помог ему, как вот сейчас помог кондуктор. Это двойное впечатление усугубило чувство особенного, как бы чем-то уже сродного земле, утомления, в котором однако была своя приятность, и рассудив, что все равно рано, чтобы направиться к хорошему, скучным людям, у которых он столовался, Василий Иванович указал себе самому тростью на скамью и медленно, до предпоследней секунды не даваясь силе притяжения, сел, сдался.

Хотелось бы все-таки понять, откуда оно, это счастье, этот наплыв счастья, обращающего сразу душу во что-то большое, прозрачное и драгоценное. Ведь помилуйте, человек стар, болен, на нем уже метка смерти, он всех растерял, кого любил: жену, еще в России ушедшую от него к известному черносотенцу доктору Малиновскому, газету, в которой работал, читателя, друга детства и тезку, милейшего Василия Ивановича Малера, замученного в провинции в годы гражданской войны, брата, умершего в Харбине от рака, сестру.

Он опять с досадой подумал о зыбкости ее могилы, уже переходившей ползком в стан природы; вот уже лет семь, как он перестал о ней печься, отпустив на волю. Ни с того ни с сего с резкой яростью Василий Иванович вдруг увидел в воображении человека, которого сестра когда-то любила, -- единственного человека, которого она любила, -- гаршинской породы, полусумасшедшего, чахоточного, обаятельного, с угольно-черной бородой и цыганскими глазами, неожиданно застрелившегося из-за другой, кровь на манишке, маленькие ноги в щегольских штиблетах. Затем, безо

Набор. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
всякой связи, он сестру увидел подростком, с новенькой головой, остриженной после тифа, объясняющую ему в диванной сложную систему приспособлений к предметам, которую она выработала, так что жизнь ее превратилась в постоянные хлопоты по сохранению таинственного равновесия между вещами: тронуть стену проходя, скользнуть ладонью левой руки, правой, -- как бы окуная руки в ощущение предмета, чтобы были чистые, в мире с миром, отражаясь друг в друге, а впоследствии она интересовалась главным образом женским вопросом, учреждала какие-то женские аптеки и безумно боялась покойников, потому что, как говорила, не верила в Бога.

Так вот: потерявший почти десять лет тому назад эту сестру, которую за ночные слезы особенно нежно любил; воротясь только что с кладбища, где дурацкая канитель с землей оживила воспоминание; столь тяжелый, слабый, нерасторопный, что не мог ни встать с колен, ни сойти с трамвайной площадки (протянуть вниз руки милосердно склонившегося кондуктора, -- и по-моему еще кто-то помогал из пассажиров); усталый, одинокий, толстый, стыдящийся со всеми тонкостями старомодной стыдливости своего заштопанного белья, истлевающих панталон, всей своей нехоленой, никем не любимой, дурно обставленной тучности, Василий Иванович был однако преисполнен какого-то неприличного счастья, происхождения неизвестного, не раз за всю его долгую и довольно-таки крутую жизнь удивлявшего его своим внезапным нашествием. Он сидел совсем тихо, положив руки (изредка только расправляя пальцы) на загиб трости и расставя широкие ляжки, так что округлое основание живота в раме расстегнутого пальто покоилось на краю скамейки. Пчелы обслуживали цветущую липу над ним; оттуда, из ее нарядной гущи, плыл мутный медовый запах, а внизу, в ее тени, вдоль панели, ярко желтела цветочная осыпь, похожая на протертый навозец. Через весь газон посредине сквера лежала красная мокрая кишка, и подальше из нее била сияющая вода с разноцветным призраком в ореоле брызг. Между кустами боярышника и выдержанной в стиле шале публичной уборной сквозила сизая улица; там стоял толстым шутком рекламный столб и проходил с бряцанием и воем трамвай.

Этот сквер, эти розы, эту зелень во всех их незамысловатых преобразованиях он видел тысячу раз, но все насквозь сверкало жизнью, новизной, участием в его судьбе, когда с ним и со мной случались такие припадки счастья. Рядом, на ту же в темно-синюю краску выкрашенную, горячую от солнца, гостеприимную и равнодушную скамейку, сел господин с русской газетой. Описать этого господина мне трудно, да и незачем, автопортрет редко бывает удачен, ибо в выражении глаз почти всегда остается напряженность: гипноз зеркала, без которого не обойтись. Почему я решил, что человека, с которым я сел рядом, зовут Василием Ивановичем? Да потому, что это сочетание имен, как кресло, а он был широк и мягок, с большим домашним лицом, и, положив руки на трость, сидел удобно, неподвижно, -- только сновали зрачки за стеклами очков, от облака, идущего в одну сторону, к идущему в другую грузовику или от воробыхи, кормящей на гравии сына, к прерывистым дергающимся движениям, делаемым маленьким деревянным автомобилем, который за нитку тянул за собой забывший о нем ребенок (вот упал набок, но продолжал ехать). Некролог профессора Д. занимал видное место в газете, и вот, спеша как-нибудь помрачнее и потипичнее меблировать утро Василия Ивановича, я и устроил ему эту поездку на похороны, хотя писали, что день будет объявлен особо, но повторяю, я спешил, да и хотелось мне, чтобы это было так -- ведь он был именно из тех, которых видишь на русских торжествах за границей, стоящими как бы в сторонке, но тем самым подчеркивающими обыкновенность своего присутствия, и так как в мягких чертах его полного бритого лица было что-то напоминающее мне черты московской общественной дамы А. М. Аксаковой, которую помню с детства -- она приходилась мне дальней родственницей, -- я почти нечаянно, но уже с неудержимыми подробностями, ее сделал его сестрой, -- и все это совершилось с головокружительной скоростью, потому что мне во что бы то ни стало нужно было вот такого, как он, для эпизода романа, с которым вожусь третий год. Какое мне было дело, что толстый старый этот человек, которого я сначала увидел опускаемым из трамвая и который теперь сидел рядом, вовсе, может быть, и не русский? Я был так доволен им! Он был такой вместительный! По странному стечению чувств, мне казалось, что я заражаю незнакомца тем искрометным счастьем, от которого у меня мороз пробегает по коже... Я желал, чтобы, несмотря на старость, на бедность, на опухоль в животе, Василий Иванович разделял бы страшную силу моего блаженства, соучастием искупая его беззаконность; так, чтобы оно перестало быть ощущением никому не известным, редчайшим видом сумасшествия, чудовищной радугой во всю душу, а сделалось хотя бы двум только человекам доступным, стало бы предметом их разговора, и через это приобрело бы житейские права, которых иначе мое дикое, душное счастье лишено совершенно. Василий Иванович (я упорствовал в этом

Набор. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru (названии) снял черную фетровую шляпу, как будто не с целью освежить голову, а затем именно, чтобы приветствовать мои мысли. Он медленно погладил себя по темени, и тени липовых листьев прошли по жилам большой руки и опять легли на седоватые волосы. Все так же медленно он повернул голову ко мне, взглянул на мою газету, на мое загримированное под читателя лицо, и, величаво отвернувшись, снова надел шляпу.

Но он был уже мой. Вот с усилием он поднялся, выпрямился, переложил трость из одной руки в другую и, сделав сперва короткий пробный шаг, спокойно двинулся прочь -- если не ошибаюсь, навеки, -- но как чуму он уносил с собой необыкновенную заразу и был заповедно связан со мной, обреченный появиться на минуту в глубине такой-то главы, на повороте такой-то фразы.

Мой представитель был теперь один на скамейке, и так как он передвинулся в тень, где только что сидел Василий Иванович, то на лбу у него колебалась та же липовая прохлада, которая венчала ушедшего.

Берлин, 1935 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!